

К интерпретации видо-временных форм в нарративном режиме: настоящее историческое

Towards interpretation of tense-aspect forms in narrative register: praesens historicum

Падучева Е. В. (elena708@gmail.com)

Всероссийский институт научной и технической информации

Настоящее историческое трактуется как настоящее нарративное, т. е. как настоящее время нарративного режима. Показано, что настоящее историческое может быть представлено как относительное употребление граммы времени, когда форма наст. времени соотносится не с моментом речи, а с временным моментом, фиксированным в контексте.

О значении форм грамматического времени мы в Русской грамматике, с. 628 читаем: «Категориальные значения форм времени ориентируются на единую исходную точку — грамматическую точку отсчета. <...> Система форм времени строится на противопоставлении значений одновременности (формы наст. вр.), предшествования (формы прош. вр.) и следования (формы буд. вр.) по отношению к грамматической точке отсчета.»

Обращение к понятию точки отсчета — это шаг назад по сравнению с Грамматикой 1952, в которой говорится (на с. 427): «Категория времени выражает отношение действия к моменту речи или к другому моменту времени, принимаемому за основу временных отношений.»

Формулировка В. В. Виноградова выделяет момент речи в качестве главного ориентира и, соответственно, речевой (иначе — диалогический, дейктический) контекст как главный контекст, в котором интерпретируется временная форма. При этом допускаются и другие ориентиры — очевидно, возникающие в других, вторичных контекстах. Это совпадает с позицией Эстена Даля (Dahl 1985: 25), который настаивает на том, что семантические определения, касающиеся категории времени, должны быть даны прежде всего для основного значения времени, поскольку во вторичных употреблениях форма времени может пересекаться с видовыми формами и теряет четкий смысл.

Чтобы полностью охарактеризовать первичный, т. е. речевой контекст употребления времени, необходимо отграничить его от по крайней мере двух вторичных — нарративного и гипотаксического.

Грамматика до последнего времени в упор не видела особенностей употребления формы прош. времени несоев. вида в контексте нарратива — и это при том, что примеры, по традиции, приводятся обычно как раз из повествовательных текстов. А между тем в нарративе форма несоев. вида прош. времени употребляется в первую очередь в значении одновременности по отношению к ориентиру, возникающему в этом контексте. Таким ориентиром является текущий момент текстового времени. Возьмем фразу:

(А) Бабушка и сейчас любила его без памяти.

Фраза (А) однозначно понимается как вырванная из контекста повествования, и потому форма прош. времени интерпретируется в значении одновременности некоторому моменту, «принимаемому за основу временных отношений», — текущему моменту текстового времени, который обозначен словом *сейчас*, а вовсе не значения предшествования этому моменту, как было бы естественно для формы прош. времени; взять хотя бы *Я вас любил*, которое предполагает квази-речевой контекст, так что прош. время выражает предшествование.

Для того, чтобы адекватно описать семантику времени (как и массы других эгоцентрических элементов языка), необходимо обратиться к понятию режима интерпретации (Апресян 1986, 1997, Падучева 1986, 1996), который определяется прежде всего функционированием видо-временных форм. Исходным, первичным, является речевой, или диалогический режим; в нем ориентиром для отсчета времени служит момент речи. А кроме того, есть

нарративный режим, вторичный, и в нем другие ориентиры. Более того, во вторичном режиме иным может быть не только ориентир, но и существо отношения, выражаемого временной формой — в примере (А) форма прош. времени выражает не предшествование, а одновременность.

Понятие режима основано на идеях Э. Бенвениста о повествовательном и речевом дискурсе (Бенвенист 1974: 271). У Бенвениста главным показателем типа текста является именно употребление глагольных форм времени и вида.

Речевой режим (употребления и) интерпретации видо-временных форм предполагает говорящего. Но в нарративе нет полноценного говорящего. Заместителем говорящего оказывается какой-то другой субъект — повествователь (в традиционном нарративе) или (особенно в несобственно прямом дискурсе) персонаж: ориентиром, текущим временем текста, является, так сказать, наст. время одного из них, иначе — время ситуации, в которой они принимают участие.

Режим определяет употребление и интерпретацию видо-временных форм в независимом и в главном предложении. В гипотаксическом контексте возникает еще один ориентир — момент, к которому относится действие, обозначенное глаголом главного предложения; ориентир тут задается синтаксически. Так, в примере (В) словоформа наст. времени *может* выражает одновременность тому моменту, к которому относится клауза *бабушка знала*:

- (В) Бабушка знала, что он *может* располагать большими деньгами.

Работа посвящена употреблению формы наст. времени в одном из неречевых режимов — нарративном.

То употребление наст. времени, которое принято называть, следуя античной традиции, настоящим историческим (*praesens historicum*), я трактую как настоящее нарративное — следуя Грамматике 1952: 484, где это явление рассматривается под именем «настоящее повествовательное». А именно, это употребление формы наст. времени в нарративе с базовым настоящим (в противоположность более обычному нарративу с базовым прошедшим). Пример:

- (С) Онегин выстрелил ... Пробили | Часы урочные: поэт | *Роняет* молча пистолет, | На грудь *кладет* тихонько руку | *И падает*. (Пушкин. ЕО)

В Бондарко 1971 показано, что наряду с нарративным употреблением наст. ист. («литературное» наст.ист.; наст.ист. деловой прозы), существует наст. ист. речевого режима, как в примере (D):

- (D) *Иду* я вчера по Кузнецкому, вдруг *сзади раздаются* свисток.

Эти два употребления наст. ист. различаются по целому ряду параметров. Главным предметом внимания является наст. ист. в нарративном режиме. О речевом употреблении наст. ист. см. раздел 7. Толкование наст.ист. речевого см. в Гловинская 1996.

В существующих трактовках наст. ист. нет упоминания о режиме интерпретации. Между тем, природа наст. ист. существенно прояснится, если сопоставить это употребление формы наст. с другими контекстами, в которых эта форма интерпретируется не в речевом режиме, т. е. не через отношение к говорящему и моменту речи — не как одновременность моменту речи.

Наст. историческое — это текстовое значение; оно невозможно у единичной видо-временной формы НСВ наст. Как правило, в предтексте формы, имеющей значение наст. исторического, так или иначе фиксируется некий временной момент, относительно которого локализуется форма наст. ист. Так, в примере (С) этот временной момент задается формой СВ прош. *выстрелил*. Кроме того, наст. историческое может вводить временной момент само по себе, см. пример (1.1) ниже.

Нарративное (повествовательное) употребление имеют не только формы наст., но и формы буд. и прош. времени. Однако с наст. историческим связаны специальные семантические проблемы — оно сложнее, чем прош. нарративное и буд. нарративное.

Во-первых, поскольку в русском языке нет формы СВ в наст. времени, в наст. нарративном не различается СВ и НСВ. Так что специфична у этой видо-временной формы не только семантика времени, но и вида — чего нет у прош. и буд. нарративного.

Во-вторых, у формы наст. времени много разных других несобственных значений — не речевых, т. е. не таких, где наст. время означает одновременность с моментом речи, но отличных от нарративного.

Рассмотрю основные аспекты семантики наст. исторического.

1. Наст. историческое и действие в прошлом

Наст. ист. определяется обычно как такое употребление формы наст. времени, которое «повествует о действиях, происходивших в прошлом» (Бондарко 2005: 426). При этом возникают даже две различные формулировки. Одни ученые — в том числе П. С. Кузнецов — считают, что при употреблении наст.ист. говорящий как бы переносится в прошлое. Другие — в том числе В. В. Виноградов — что говорящий переносит прошлое в настоящее, т. е. событие описывается как происходящее в момент речи, см. сопоставление этих формулировок в Бондарко 1971 и Гловинская 1996.

Применительно к «литературному» наст. ист. это противопоставление снимается. Сами категории настоящего и прошлого возникают при соотношении ситуации с моментом речи. Между тем главное в значении наст. исторического — что оно **не** соотносит ситуацию с моментом речи¹; и в этом наст. историческое в нарративе подобно прош. и буд. в нарративе, а также всем временным формам в гипотаксическом контексте. «Литературное» наст. ист. может быть представлено примером (1.1):

- (1.1) По базарной площади *идет* полицейский надзиратель Очумелов (Чехов. Хамелеон).

Про «литературное» наст. ист. в Бондарко 1971: 146 говорится: «здесь “я” отсутствует. <...> Нет живой связи, актуального соотношения ни с “я”, ни с моментом речи». (Имеется в виду, отсутствует “я” как говорящий — в повествовании о прошлом “я” уже не говорящий.)

Подробный обзор трактовок наст. исторического дан в Dickey 2000: 126–154. Преобладает точка зрения, что наст. ист. сдвигает дейктический центр (т. е. момент речи) в прошлое — во время события². Общепринято, однако, что заместителем говорящего в нарративе является повествователь, и в нарративе с базовым прошедшим повествователь тоже «видит» события в синхронной перспективе. В чем же тогда отличие наст. ист. от прош. нарративного, как в примере (1.2)?

- (1.2) По базарной площади *шел* полицейский надзиратель Очумелов.

Для описания различия между наст. и прош. нарративным следует принять во внимание слушающего (читателя, адресата): прош. нарративное устанавливает временную и пространственную дистанцию между ситуацией и адресатом, а наст. ист. приглашает адресата наблюдать ситуацию изблизи (см. Бондарко 1971: 143, Падучева 1996: 287–290; Гловинская 1996: 456).

Ю. С. Маслов (в Лингвистическом энциклопедическом словаре) пишет: «формы наст. ист. повествуют о событиях, имевших место в прошлом, но изображаемых как современные наст. моменту». Но тогда в приводимом им примере —

- (1.3) В 1725 году Петр *Иумирает* — нужно признать, что 1725 год изображается как современный наст. моменту — что, очевидно, не так.

¹ О том, что к повествовательному тексту неприменимо понятие момента речи, см., в частности, Плуноян 2000: 266.

² Возникает парадоксальная формулировка — форма настоящего времени означает, что «говорящий “как бы” переносится в прошлое».

2. Наст. историческое как относительное время

Наст. ист. (нарративное) можно трактовать как относительное употребление формы времени: форма наст. в этом употреблении соотносит ситуацию не с моментом речи, как в исходном, речевом значении, а с некоторым моментом, фиксированным в контексте. При интродуктивном употреблении наст. ист., как в примере (1.1), сама форма наст. ист. задает тот временной момент, который используется для последующих отсылок. Что касается «цепочки» форм наст. ист., то в этом контексте временная отнесенность определяется видовым значением формы — процессным или событийным (см. разделы 5 и 6); процессное значение дает одновременность, событийное — последовательность.

Ю. С. Маслов считает относительным употреблением только гипотаксическое, а наст. ист. относит к переносным. Между тем в статье Шмелев 1960 предлагается трактовка наст. исторического как относительного употребления формы наст. Д. Н. Шмелев приводит примеры типа *И вот началась вьюга* <...> *Вокруг все кипит точно в котле* (Горький. Варенька Олесова), говоря, что «относительное значение формы, т. е. прикрепленность к объективному прошедшему, опирается на ее сочетание с формами грамматического прошедшего» — в самом деле, наст. *кипит* соотносится с прош. *началась*.

Что же касается наст. ист. речевого (в интродуктивном употреблении), то ему свойственна *метафоричность*, и в этом смысле его можно считать переносным, см. подробнее в разделе 7.

В Бондарко 1971: 227 приводится пример нарратива, где форма наст. времени относит ситуацию к плану будущего (употребление квалифицируется как «настоящее при обозначении будущих действий»):

- (2.1) Она старомодно мечтала о том, как он <...> *появится* перед окном домика верхом на лошади <...> Они *войдут* в гостиную, оба взволнованные ... Вдруг он *берет* ее за руки выше локтей, *привлекает* к себе ... (А. Толстой. Хожение по мукам)

Ясно, что употребление форм *берет* и *привлекает* нарративное, и, как отмечает А. В. Бондарко, у этого употребления много общего с наст. историческим. Однако есть разница: форма наст. в значении будущего действия не может быть интродуктивной.

3. Наст. историческое как текстовое употребление формы наст.

Итак, наст. ист. — это такое употребление формы наст. времени, которое соотносит данную

ситуацию с некоторым моментом, фиксированным в тексте, см. пример (С). В специальном контексте (который в Бондарко 1971 выделяется как «биографическое настоящее») момент может фиксироваться датой, как в (1.3). С другой стороны, форма наст. ист. фиксирует момент для последующей отсылки. В любом случае, наст. ист. — это текстовое время; оно невозможно в изолированном высказывании:

- (3.1) а. Я *иду* по Кузнецкому [наст. речевое: так можно сказать по мобильному телефону]
б. Иван *идет* по Кузнецкому [наст. речевое: говорящий выступает в роли наблюдателя за Иваном — тоже в речевом режиме]

- (3.2) Иван *идет* по Кузнецкому. <Вдруг сзади раздается свисток.> [наст.ист.]

В (3.1а) и (3.1б) форма наст. — это наст. речевое, а в (3.2) та же фраза, но в контексте следующей, воспринимается как интродукция момента времени, так что в (3.2) наст. время глагола в той же фразе (3.1б) понимается как наст. ист. (так при именной анафоре именная группа становится антецедентом, когда есть заместитель).

Предложение (3.3) допускает две интерпретации, в зависимости от правого контекста — в а) наст. предстоящее, в б) — наст. ист.:

- (3.3) В Москве *открывается* выставка Пикассо;
а) В Москве *открывается* выставка Пикассо. Я обязательно пойду.
б) В Москве *открывается* выставка Пикассо. На нее устремляются толпы людей.

Предложение, обеспечивающее интродукцию временного момента, должно иметь определенную коммуникативную структуру. Так, в (3.4) (пример из Падучева 1996) первая фраза в (3.4а) может быть интродукцией текущего момента текста, а фраза (3.4б) — не может:

- (3.4) а. *Привезли* меня в больницу. *Лежу* на койке.
б. А в больницу меня *привезли* с брюшным тифом. (Зощенко)

4. Способы интродукции момента времени

Какие могут быть способы интродукции момента времени, на который ориентирована форма наст. ист.?

- Самый естественный способ интродукции текстового времени — это форма СВ:

- (4.1) Она сидела вязала. Вдруг *бросила* вязать и *смотрит* на меня.

- (4.2) Федоров <...> *запер* его [голубя] в сарай <...>. Но вдруг об этом деле *узнает* председатель сельсовета Егоров. Он моментально *бежит* к этому жителю и ему *говорит* ... (Зощенко. Усердие не по разуму)

- (4.3) *Зашел* тут ко мне приятель. *Рассказывает* такую историю.

- Момент текущего (текстового) времени, необходимый для наст. ист., может быть задан обстоятельством времени:

- (4.4) а. В 1994 году Солженицын *приезжает* в Москву.
б. После полудня к хозяину *приезжает* очень высокий и очень толстый мужик <...> «Вы из России?» — спрашивает он меня. (Чехов. Из Сибири; пример из Бондарко 2005: 334)

При интродуктивном употреблении в отсутствие показателя времени, как в (3.2), момент времени задается самой формой наст. ист. Параметры контекста, которые заставляют понять форму наст. времени как обозначающую «действие в прошлом» подлежат дальнейшему изучению. В самом общем виде можно сказать, что человек интерпретирует форму наст. как относящую ситуацию к прошлому ввиду того, что, по тем или иным, быть может, прагматическим, причинам не может понять ее в наст. речевом (например, когда человек открывает дверь и говорит: *Иду я по Кузнецкому* ...).

5. Наст. нарративное в сравнении с прош. нарративным

Контекст позволяет различить у формы наст. ист. два видовых значения: процессное — как бы значение несов. вида, см. (3.2), и событийное — как бы значение сов. вида, см. (4.4).

Сопоставим наст. ист. (т. е. настоящее нарративное) в процессном значении с несов. видом прошедшего нарративного. Между этими формами имеются следующие сочетаемостные различия, вытекающие из семантики времени:

- Наст. историческое сочетается с *вот*, а прош. нарративное — нет:

- (5.1) *Вот едет* могучий Олег со двора (Пушкин);
**Вот выезжал* Олег из двора;

- (5.2) *И вот стою* на площадке (Зощенко); * *И вот стоял* на площадке.

Это различие можно объяснить оппозицией «ближнее–дальнее»: повествователь в любом слу-

чае — и при наст. и при прош. времени является синхронным наблюдателем. Различие в том, что форма наст. как бы приглашает адресата к участию в ситуации, создавая видимость общего поля зрения, а прош. отдаляет адресата от места действия.

Пример (5.3) мог бы считаться опровергающим это положение:

(5.3) *Вот*, тяжело ступая по коридору, дневальные *несли* одну из восьмиведерных параш. (Солженицын. Один день Ивана Денисовича)

Но такое употребление порождено свойственным этой повести свободным косвенным дискурсом, в котором нарушаются многие нормы традиционного нарратива. Замена *несли* на *несут* дала бы более нормативный текст.

- Наст. историческое свободно употребляется для обозначения действия, наступающего после того, которое обозначено глаголом СВ, тогда как НСВ прош. может быть в этом контексте неуместно:

(5.4) а. Он схватил меня за руку и *тянет*;
б. *Он схватил меня за руку и *тянул*.

Вместо (5.4б) надо сказать:

(5.5) Он схватил меня за руку и *стал тянуть* (или *потянул*).

Аналогичный пример:

(5.6) а. *Снимает* шапку и *крестится*;
б. **Снял* шапку и *крестился*.

Это существенное различие между наст. и прош. нарративным можно объяснить тем, что в контексте наст. ист. форма несов. вида приобретает значение начинательности, которое отсутствует у НСВ прош. в русском языке: форма НСВ прош. выделяет срединную фазу действия. Отсутствием начинательности у русского НСВ в прош. времени можно объяснить различия в употреблении формы НСВ в русском и чешском (ср. Петрухина 2000: 84), в котором такие сочетания видовых форм, как в (5.4б), (5.6б), вполне нормативны; примеры (5.4б), (5.6б) — буквальные переводы чешских примеров Е. В. Петрухиной. В Dickey 2000 эта конструкция названа “чешский контекстно-обусловленный имперфектив прошедшего времени”.

В Зализняк, Шмелев 2000: 28 говорится: «При повествовании в наст. историческом говорящий заменяет формы прошедшего формами настоящего». Примеры (5.4), (5.6) показывают, что это не совсем так: текст в «исходной» форме (так сказать, до замены прош. на наст.) может не существовать.

6. Наст. историческое и совершенный вид

Известны сочетаемостные свидетельства в пользу того, что у наст. исторического есть событийное значение — как бы значение сов. вида.

- Цепочка глаголов в наст. ист. событийном обозначает последовательные события, что свойственно глаголам СВ:

(6.1) ... *выступает* холодный пот. Он *кладет* ножницы и *начинает* тереть себе кулаком нос.

В примере (С) форма *роняет* обозначает событие, следующее за *выстрелил* (и *пробили*).

- Наст. ист. сочетается с наречиями типа *неожиданно*, *внезапно*, *моментально*, *вдруг*, с которыми может сочетаться только сов., а не несов. вид; так, возможно (6.2а) и (6.2б), но не (6.2в):

(6.2) а. Неожиданно из-за отдаленного кустарника *выползает* луна [наст. ист.];
б. Неожиданно из-за отдаленного кустарника *выползла* луна [СВ];
в. *Неожиданно из-за отдаленного кустарника *выползала* луна [несов. прош.].

- Аспектуальное сходство наст. ист. событийного и СВ обнаруживают реверсивные глаголы. Так, в (6.3а), с наст. ист., наблюдатель остается в той временной точке, когда я еще нахожусь у приятеля, как и при СВ; а реверсивный глагол в прош. речевом в несов. виде возвращает наблюдателя в исходное положение, см. (6.3в):

(6.3) а. *Захожу* я к приятелю [в момент наблюдения я у приятеля];
б. Я *зашел* к приятелю [в одном из пониманий — в момент наблюдения я у приятеля];
в. Я *заходил* к приятелю [и ушел].

Однако между наст. ист. и СВ есть и различия. Примечательно, например, что наст. ист. невозможно в контексте *только что*, хотя глагол СВ в этом контексте абсолютно нормален (НВ вышеупомянутую начинательность наст. исторического):

(6.4) Только что *кончился* (**кончается*) математический съезд.

Понимание наст. ист. в событийном значении невозможно также в контексте *уже*:

(6.5) Уже *кончается* математический съезд = ‘вот-вот кончится’, а не ‘уже кончился’.

7. Наст. историческое и обстоятельства времени

Примеры употребления наст. ист. в контексте обстоятельств времени с дейктическим значением³:

- (7.1) а. *Иду вчера* по Гостиному двору, — вдруг он! [Д. В. Григорович. Недолгое счастье (1884)];
 б. *Поднимаюсь недавно* по лестнице в гостиной «Красная». [Роман Карцев. «Малой, Сухой и Писатель» (2000–2001)];
 в. *Много лет назад* появляются первые механические часы, и с тех пор идет постоянное состязание в усовершенствовании прибора (пример из Гловинская 1996).

Слова *вчера* и *недавно* маркируют речевой режим интерпретации предложения. Неудивительно поэтому, что в примерах часто встречается субъект 1 лица:

- (7.2) Ложимся *вчера* спать, я *спрашиваю*: — Вова, а сколько рекорд? [Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1932–1942)]; *Прихожу вчера* в контору за справкой. Швейцар отворяет дверь: [П. П. Гнедич. Книга жизни (1918)]; *Получаю вчера* письмо ваше, читаю и недоумеваю. [Ф. М. Достоевский. Роман в девяти письмах (1847)]; *Приезжаю недавно* в отпуск, а она замужем. [Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1943–1946)]

Интродуктивная структура предложения делает слова *вчера* и *недавно* атоническими, и они, как энклитики, по закону Вакернагеля попадают в позицию после первого ударного слова во фразе. Примеры (7.3а, б) показывают, однако, что субъект 3 лица тоже возможен, но тогда подлежащее 3 лица отделяется от сказуемого тем, что в Зализняк 2008 называется ритмико-синтаксическим барьером:

- (7.3) а. Наш сосед радиотехник Лёнька Шалыт *заходит вчера* после дежурства вздремнуть. Батюшки мои, в жилище полметра воды! [Василий Песков. Белые сны (1964)];
 б. ... а мясник *говорит вчера* жене: вижу я, говорит, что вы с вашим мужем не больше, как жулики. [Л. Н. Андреев. Москва. Мелочи жизни (1901–1902)].

Пример (7.4) производит комическое впечатление, потому что слово *вчера* — первичный эгоцентризм и уместно в речевом контексте, а (7.4) напоминает зачин анекдота, т. е. типичного нарратива.

- (7.4) [?]*Встречается вчера* президент с премьер-министром (пример из Всеволодова, Ким Тэ Чжин 2002).

Если адвербиала в предложении нет, то по умолчанию подразумевается ‘недавно’ (противное должно быть оговорено):

- (7.5) Прихожу я в контору за справкой.

При этом отстояние ситуации от наст. момента должно быть соразмерно с важностью, примечательностью ситуации, ср. нормальное (7.6а) и странное (7.6б):

- (7.6) а. Приезжаю я в *прошлом году* в Нью-Йорк;
 б. [?]*Иду я в прошлом году* по Кузнецкому.

Итак, в предложениях с обстоятельством времени наст. ист. выражает синхронность моменту, который задается обстоятельством.

В Гловинская 1996: 454 в толкование наст. ист. в речевом контексте включается компонент ‘Говорящий мыслит себя в прошлом, и действие как бы происходит на его глазах’. Как, однако, в этом случае интерпретировать предложение (7.1а) *Иду вчера по Гостиному двору — вдруг он?* Наречие *вчера* определенно предполагает говорящего, который мыслит себя сегодня, т. е. именно в настоящем, а не в прошлом, к которому относится ситуация. Выход из этого противоречия мыслится в том, что перенос момента речи в прошлое является метафорическим, NB как бы.

Можно думать, за эффект наглядности, который в (7.1а) несомненно присутствует, отвечает не говорящий, а тот наблюдатель, который входит в семантику несоев. вида (в данном случае имеющего процессное значение). Говорящий как субъект временного дейксиса находится в настоящем, а как субъект наблюдения — в том прошлом, к которому относится ситуация. В разговорном наст. ист. категориальный диссонанс между действием в прошлом и формой наст. времени создает экспрессию (см. Бондарко 1971: 145) — то, что А. В. Бондарко называет «образной актуализацией прошлого». И носителем этой экспрессии не может быть никто, кроме говорящего. Так что наст.ист. речевого режима — это метафорическое настоящее.

Как справедливо указывает А. В. Бондарко, идея наглядности проходит отнюдь не для всех употреблений наст.исторического⁴. Например, в ее нет в (7.7):

- (7.7) К концу XII века колесные часы уже существовали. В 1232 году Данте *упоминает* о колес-

³ Датированные примеры — из Национального корпуса русского языка.

⁴ См. обсуждение дискурсивных эффектов наст. исторического в Dickey 2000: 127.

ных часах с боем. В 1288 году *устанавливают* башенные часы в Westminster Hall в Лондоне. С XIV в. башенные колесные часы *появляются* в различных городах. [Энциклопедия Брокгауз и Эфрон]

Итак, мы можем заключить, что наст. ист. (повествовательное), будучи текстовым временем, соотносит действие с моментом, фиксированным в тексте, а в интродуктивном употреблении (при отсутствии обстоятельства времени) само вводит этот момент. Строго говоря, отнесенность действия

к прошлому формой наст. ист. не выражается, см. пример (3.3): когда мы понимаем, что действие происходит в прошлом, мы осознаем, что форма наст. выражает наст. историческое, а не наоборот.

В прошлое перенесен не момент речи, а момент наблюдения. Момент речи в интерпретации формы наст. исторического не участвует. Участвует говорящий-повествователь как субъект экспрессии и как контрагент адресата⁵.

⁵ Автор благодарит Ю.Д.Апресяна за поправки и критические замечания, высказанные по поводу первоначального варианта работы.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
2. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М.: 1986. С. 5–33.
3. *Апресян Ю. Д.* Лингвистическая терминология Словаря // НОСС 1997. С. XVI–XXXIV.
4. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
5. *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М.: 1971.
6. *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: 2005.
7. *Всеволодова М. В., Ким Тэ Чжин.* Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка). М.: 2002.
8. *Гловинская М. Я.* Две загадки *praesens historicum* // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. статей к 60-летию А.А.Зализняка. М.: Индрик, 1996. С. 451–458.
9. *Грамматика 1952* — Грамматика современного русского литературного языка: Т. I. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1952.
10. *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур. М.: 2008
11. *Падучева Е. В.* Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 5. С. 413–424.
12. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки рус. культуры, 1996.
13. *Петрухина 2000* — Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: МГУ, 2000.
14. *Русская грамматика.* Т. 1–2 / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: 1980.
15. *Шмелев Д. Н.* Абсолютное и относительное употребление форм времени русского глагола. Русский язык в национальной школе. 1960, № 6. С. 3–10.
16. *Dahl Ö.* Tense and Aspect Systems. Oxford-N.Y.: Basil Blackwell, 1985.
17. *Dickey S. V.* Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach. CSLI publications, Stanford, California, 2000.